

Потирая переносицу, Хэ Чжу почувствовал, как накатывает усталость, глаза тоже начали болеть. Эти очки были невероятно неудобными, к тому же чертовски тяжелыми, и он не знал, когда же наконец сможет снять их насовсем.

А когда он их снимет, и Янь Жунцю увидит его настоящее лицо, что он подумает?

Хэ Чжу вздохнул. Каждый раз, думая об этом, его охватывало беспокойство. Но если не пойти этим путем, он просто не знал, что еще можно сделать.

Он был человеком со множеством уловок, что бы он ни делал, чего бы ни желал — всё легко удавалось. Но столкнувшись с Янь Жунцю, он чувствовал себя беспомощным и неуклюжим, будто все его способности вдруг исчезли.

Если бы он и вправду был Хэ Чжу. Тогда у него не было бы неразрывных связей с семьей Хэ, не было бы стольких надежд и ожиданий — разочарования после крушения надежд он больше не хотел переживать.

В вихре мыслей до него донесся слабый, сладковатый аромат персика. Хэ Чжу поднял голову, его тело на мгновение застыло, а взгляд за толстыми линзами стал мрачнее.

Янь Жунцю выходил из ванной, вытирая волосы. На нем была светлая пижама из чистого хлопка, свободного покроя, мягко облегающая тело. Слишком длинные рукава закрывали половину ладоней, обнажая лишь кончики пальцев нежно-розового, словно нефрит, цвета.

— Господин Янь.

Янь Жунцю остановился.

— М-м?

Хэ Чжу молча направился к нему. Длинноногий и высокий, он, казалось, пересек гостиную всего в несколько шагов. Янь Жунцю лишь на мгновение почувствовал, как перед глазами потемнело, а полотенце уже было выхвачено из его рук Хэ Чжу, и затем, словно белое облако, опустилось на его мокрые от капель волосы.

— Если лечь спать с мокрыми волосами, будет болеть голова.

Низкий голос сопровождался мягкими движениями рук Хэ Чжу, тщательно вытиравшего влажные волосы. Янь Жунцю слегка попытался вырваться.

— Не двигайся, — тихо сказал Хэ Чжу, слегка увеличив нажим, превращая эти черные, глянцево-розовые волосы в растрепанное птичье гнездо.

Влажность, смешанная со сладким персиковым ароматом, горячим потоком поднималась из прядей.

Вытирая волосы, Хэ Чжу опустил взгляд на лицо Янь Жунцю — челка рассыпалась по лбу, скрывая легкое смятение и растерянность в глазах, а щеки были белыми с румянцем, словно лепестки лотоса.

Да, только в такие моменты эти толстые очки приносили хоть какую-то пользу — они отгораживали от жара и желания в его взгляде, а также от многих других потребностей.

— Господин Янь, готово, — сказал Хэ Чжу, но не отошел, а продолжал стоять прямо перед ним.

Просто хотел посмотреть еще немного.

Обычно господин Янь был свеж и холоден, как иней и снег, но сейчас он был теплым, мягким, сладким, пах персиком и выглядел, как персик. Кадык Хэ Чжу слегка дрогнул. Он подумал, что если бы можно было осторожно укусить, это, наверное, было бы намного слаще и соблазнительнее, чем настоящий персик.

— Я подумаю над этим, — Янь Жунцю откинул наполовину влажные волосы назад, обнажив весь сияющий лоб, мгновенно вернувшись к своему обычному состоянию.

Выражение лица Хэ Чжу изменилось.

— Над чем думать?

Янь Жунцю слегка кашлянул. Обычно он бы никогда такого не сказал сам, но для Хэ Чжу можно сделать исключение.

— Конечно, о повышении и прибавке к зарплате, — серьезно заявил Янь Жунцю.

Хэ Чжу промолчал.

— Тогда я вам очень благодарен, — невольно сжимая полотенце в руке, произнес он. — Господин Янь.

Ночь была черной, как тушь.

Вилла находилась близко к морю, шум прибоя напоминал убаюкивающую легкую музыку, но Янь Жунцю оставался в полудреме, сон его был беспокойным. В смутном сознании, будто крутилась киноплёнка, прокручивая обрывочные, беспорядочные кадры.

То лицо матери, казавшееся нежным, но на деле холодным, с бровями, всегда омраченными меланхолической задумчивостью. То он стоит в центре роскошного банкетного зала семьи Хэ, вокруг толпятся люди, и все они смеются над его уродством.

Поскольку спал он поверхностно, сохраняя частичное сознание, Янь Жунцю понимал, что находится в кошмаре. Он не боялся, лишь бы не возникали образы, увиденные в день его тринадцатилетия. Но в конце концов он все же оказался перед той самой дверью, и, как ни сопротивлялся, неудержимо протянул руку, а затем распахнул ее —

Янь Жунцю проснулся в холодном поту, тяжело дыша. Но прежде чем он успел прийти в себя, в желудке взорвалась знакомая, мучительная спазматическая боль — верный сигнал приступа. И поскольку сегодня вечером он насильно съел ту еду, боль была гораздо сильнее обычного.

На ощупь пробираясь в гостиную, Янь Жунцю хотел открыть свой маленький чемодан с вещами первой необходимости, чтобы найти лекарство, но было уже поздно — сильная тошнота подступила к горлу. Ему пришлось опереться о край раковины, сгорбиться, весь дрожа, и мучительно стошнить.

Неприятность. Какая неприятность.

Перед глазами Янь Жунцю потемнело, шея и грудная клетка словно сдавлились, дышать стало невероятно трудно.

Его больной желудок — старая проблема, время от времени дающая о себе знать, но нужно

просто перетерпеть. Как рыба, выброшенная на берег, он мог только бороться и страдать в одиночку, ожидая ливня, который неизвестно когда придет.

Чья-то рука легла ему на спину, мягко похлопывая, пытаясь помочь ему отдышаться.

Нежно, осторожно, бережно.

Янь Жунцю не поднимал голову, да и не мог. В любом случае, кроме Хэ Чжу, больше некому было быть.

— Не... надо... обо... мне... — произносил он с хрипом, между словами давясь, и снова начал сильно кашлять.

На сомкнутые веки легло теплое прикосновение — Хэ Чжу теплым полотенцем вытер слезы, выступившие на глазах. Янь Жунцю с трудом открыл глаза, и перед ним оказалась новая, выжатая полотенце сильная рука с четкими суставами, которая без лишних слов вытерла холодный пот с его лица.

— Прополощи рот, — к губам Янь Жунцю поднесли чашку с теплой водой.

Янь Жунцю колебался, но послушно открыл рот.

Прополоскав рот, он равнодушно оперся о раковину, в голове крутилась лишь одна мысль.

Как унижительно.

Позволить подчиненному увидеть себя в таком уродливом, жалком виде.

— Господин Янь, где лекарство? — спросил его Хэ Чжу.

Янь Жунцю, не поднимая головы, указал назад.

В гостиной послышался звук поисков, и через некоторое время Хэ Чжу вернулся с приготовленным желудочным раствором.

Янь Жунцю по-прежнему не поднимал головы, хрипло поблагодарил и протянул руку, чтобы принять.

Хэ Чжу стоял рядом, наблюдая за ним, пользуясь естественным преимуществом высокого роста — стоит лишь опустить взгляд, и всё видно как на ладони.

Щека Янь Жунцю уже пылала, губы же были ало-красными, будто на них нанесли слой яркой, соблазнительной помады.

И не только лицо. Больше яркого цвета проступало из-под фарфорово-белой кожи, распространяясь до изящных мочек ушей и длинной шеи, без малейших признаков ослабления. Более глубокие места скрывались под тканью, их невозможно было увидеть.

Это невольно вызывало дурные мысли. Возможно, под мягкой хлопковой пижамой, на ключицах, спине, груди молодого человека также проступал не исчезающий легкий румянец. Красный на фоне белизны, подобной отточенному нефриту — какая завораживающая, совершенная гармония.

— Возвращайся, я в порядке, спасибо, — пробормотал Янь Жунцю, хмурясь.

Лекарство было слишком горьким, от него даже язык онемел.

— Господин Янь, откройте рот.

Увидев, как Хэ Чжу протягивает руку, Янь Жунцю инстинктивно попытался отклониться, но щека нечаянно коснулась теплой, сильной подушечки пальца, а затем подбородок был мягко взят длинными пальцами, и прозрачная, хрустальная карамелька, скользя по губам, легко оказалась у него во рту.

— М-м... что ты...

Освежающая сладость персика распространилась на кончике языка, разгоняя кисло-горький привкус раствора.

Янь Жунцю закрыл рот, и гнев тут же испарился.

— Сладко? — Хэ Чжу слегка наклонился, сравнив взгляд с ним.

Янь Жунцю, словно белка с орехом, невнятно промычал что-то с карамелькой во рту.

Этот человек — то детский пластырь с мультяшным рисунком, то фруктовый леденец — словно обращается с начальником как с ребенком.

Авторитет рушится.

Он опустил взгляд, избегая тени Хэ Чжу, желая поскорее скрыться в спальне и навсегда стереть из памяти все, что произошло сегодня вечером.

Но в этот момент одна рука протянулась и обхватила его за талию. Талия, скрытая под свободной пижамой, была тонкой и гибкой, а рука — сильной и длинной. Казалось, она лишь слегка обнимала его, даже без тесного контакта, но в этом чувствовалось полное владение ситуацией.

Янь Жунцю остолбенел.

<http://bllate.org/book/15591/1388503>